

Генеральная прокуратура Республики Беларусь
Научно-практический центр проблем укрепления
законности и правопорядка Генеральной прокуратуры
Республики Беларусь

Институт переподготовки и повышения квалификации
судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции
Белорусского государственного университета

**ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ
ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ
ФУНКЦИИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ
В ОБЩЕСТВЕ**

Сборник материалов
Международной научно-практической конференции

Минск, 9–10 ноября 2018 г.

Минск
Издательский центр БГУ
2018

УДК 347.97/99(06)

ББК 67.7я431

П78

Рекомендовано

Ученым советом Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь
16 октября 2018 г., протокол № 6

Редакционная коллегия:

*В. В. Марчук (главный редактор), А. В. Барков, Н. А. Богданович, С. И. Герасимова,
В. Н. Годунов, Л. Л. Зайцева, О. Э. Кравцов, В. В. Лосев, А. П. Ракицкий,
П. И. Сащико, Д. О. Сидоренко, А. В. Солтанович, В. М. Хомич*

Под редакцией

В. В. Марчука, А. В. Солтановича

Проблемы эффективности осуществления правоохранительной функции в обеспечении социально-экономической стабильности в обществе : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 9–10 нояб. 2018 г. / Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь ; редкол. : В. В. Марчук (гл. ред.) [и др.] ; под ред. В. В. Марчука, А. В. Солтановича. — Минск : Изд. центр БГУ, 2018. — 295 с.

ISBN 978-985-553-542-4.

В сборник включены материалы (доклады и сообщения) участников Международной научно-практической конференции «Проблемы эффективности осуществления правоохранительной функции в обеспечении социально-экономической стабильности в обществе».

Предназначен для научно-педагогических работников, судей, работников правоохранительных органов, правозащитных организаций, аспирантов, магистрантов и слушателей, проходящих переподготовку и повышение квалификации.

УДК 347.97/99(06)

ББК 67.7я431

ISBN 978-985-553-542-4

© Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, 2018

© Оформление. РУП «Издательский центр БГУ», 2018

совместной инструкции, в которой следует предусмотреть порядок проведения, в том числе принудительного, экспертных исследований в отношении участников уголовного процесса, включая отобрание образцов для сравнительного исследования, а также их освидетельствования.

Список цитированных источников

1. Данилова, Н. А. К вопросу о допустимости принуждения при производстве следственных действий [Электронный ресурс] / Н. А. Данилова, Т. Г. Николаева // Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации. – Режим доступа: <http://www.procuror.spb.ru/k1018.html>. – Дата доступа: 15.08.2018.

**«ГРАЖДАНСКОЕ» ЗАДЕРЖАНИЕ В ОБЩЕМ МЕХАНИЗМЕ
ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВА НА СВОБОДУ И ЛИЧНУЮ
НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ (В РОССИИ И БЕЛАРУСИ)**

Росинский С.Б.

Среди всех доктринальных, нормативно-правовых и практических проблем, охватывающих задержание лица по подозрению в совершении преступления, особый интерес имеет вопрос, связанный с так называемым «гражданским» задержанием, то есть активными действиями физического лица, выраженными в пресечении противоправного поведения и принудительном удержании другого лица в целях его последующей передачи в правоохранительные органы.

Ст. 109 УПК Беларуси прямо предполагает право граждан на осуществление «гражданского» задержания, включающее возможности захвата предполагаемого преступника, подавления его сопротивления, его личного досмотра и изъятия у него оружия либо иных предметов, имеющих значение для уголовного дела.

Действующее российское законодательство, напротив, не содержит четкой правовой базы «гражданского» задержания. Ввиду изначальной диспозитивности, заложенной в механизмы юридического регулирования поведения частных лиц, возможность осуществления «гражданского» задержания скорее обусловлена формулой «Разрешено все то, что прямо не запрещено». Ст. 45 Конституции РФ предоставляет право любому человеку защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом, а нормы российского федерального законодательства (в частности ст. 38 УК РФ) не содержат прямого запрета на осуществление «гражданского» задержания.

В этой связи среди ученых бытует мнение о необходимости более четкого нормативно-правового регулирования «гражданского» задержания, сопряженного с его введением в сферу уголовно-процессуального регулирования, подобно тому, как это сделано во многих странах, например, в Германии, во Франции, в Испании, в Италии и т.д. [1, с. 10; 2, с. 45-46]. По такому же пути пошли и Беларусь, и Украина, и некоторые другие государства, возникшие на постсоветском пространстве. Эта же идея в свое время была заложена в ст. 161 МУПК СНГ.

Мы не имеем никаких принципиальных возражений против более детального законодательного урегулирования вопросов «гражданского» задержания потенциального подозреваемого. Хотя при этом необходимо отдавать

себе отчет, что любая формализация какого-либо правоотношения требует известную степень правовой грамотности, правовой культуры и правосознания соответствующих участников. Наделяя частных лиц достаточно «сильным» субъективным правом, законодатель должен серьезно задуматься, а смогут ли они правильно использовать предоставленный им правовой потенциал в соответствии с его подлинным предназначением? Не будут ли велики риски того, что в своей массе не очень образованные и юридически неподкованные жители России, Украины, Беларуси, иных стран просто не справятся с предоставленными возможностями по «гражданскому» задержанию подозреваемого или, что еще опаснее, начнут злоупотреблять своими правами? Представляется, что этот вопрос заслуживает гораздо более глубокого анализа и проработки.

Но гораздо хуже другое – абсолютно необоснованная и противоречащая всем современным канонам публичного права тенденция к введению «гражданского» задержания не в какой-то отдельный нормативный правовой акт, а именно в сферу уголовно-процессуального регулирования. Ведь доводы авторов, ратующих за подобные идеи во многом продиктованы стремлением к перениманию некоего «положительного» опыта других, в первую очередь, западных стран. Кстати среди этих самых «развитых» стран предлагаемая модель не является единственной, безальтернативной. Существуют и иные варианты регламентации «гражданского» задержания, например, нормами материального права (Канада, Швеция) или отдельными законодательными актами (Великобритания, Израиль) [2, с. 45], которые также вполне достойны внимания и российского, и белорусского законодателя.

Увлечшись подобными новациями, специалисты забывают о системности уголовно-процессуального права, об обязательности необходимости регламентации любого процессуального правоотношения в контексте единых постулатов и принципов национальной доктрины. Следует помнить, что в разных странах существуют различные концепции и правовые модели уголовного судопроизводства. Поэтому отнесение «гражданского» задержания к предмету уголовно-процессуального регулирования в какой-нибудь стране может оказаться вполне приемлемым.

Однако в контексте национальной парадигмы уголовного судопроизводства, предполагающей четко очерченную и формализованную систему юрисдикционных правоотношений с участием строго определённых субъектов, подобные идеи представляются несостоятельными. В своих работах мы неоднократно писали о невозможности включения в предмет уголовно-процессуального регулирования фактического задержания, осуществляемого правоохранительными органами как действия, противоречащего концепции уголовно-процессуальных правоотношений. Так чего уж говорить про «гражданское» задержание, осуществляемое даже не в публично-правовом режиме, не специально уполномоченными государством субъектами, а всего лишь частными лицами. Представляется, что ни о каком уголовно-процессуальном характере этого действия не может идти и речи. «Гражданское» задержание представляет собой специфическую частноправовую (диспозитивную) форму, имеющую по сравнению с деятельностью правоохранительных органов принципиально иную непубличную юридическую природу.

И в этой связи невольно актуализируется вопрос о правилах исчисления сроков задержания, начатого в «гражданском» порядке. Если в очередной раз

взглянуть на разрешение этой проблемы с некой «правильной», «правозащитной» точки зрения, то ответ представляется очевидным: время «гражданского» задержания должно включаться в предусмотренный 48-часовой (российский) и 72-часовой (белорусский) сроки.

Однако если посмотреть на данные вопросы под несколько иным углом, попытаться проанализировать их системно, опираясь на общие подходы и принципы национальной правовой доктрины, то вышеуказанная точка зрения представляется абсолютно ошибочной и несостоятельной. Дело в том, что, определяя подобные сроки, государство предполагает именно публично-правовой режим охраны свободы и личной неприкосновенности. Ведь, принимая на себя бремя признания, соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина, власть может исполнить свои обязательства лишь посредством собственных органов, действующих в публично-правовом русле. Именно подобные (публично-правовые) мотивы и движут законодателем, устанавливающим механизмы фактического задержания и доставления лица сотрудниками правоохранительных органов в целях его возможного привлечения к уголовной ответственности.

Тогда как физические лица (граждане) действуют в принципиально ином, частноправовом (диспозитивном) русле; в своей деятельности они не представляют государство, гарантирующее соблюдение и защиту прав и свобод личности. В соответствии с уже упомянутой формулой: «Разрешено все то, что прямо не запрещено» исключения здесь могут составлять лишь случаи, прямо предусмотренные законом как преступления или правонарушения, например, то самое же превышение мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление (ст. 38 УК РФ, ст. 35 УК Беларуси) и др. Пресекая противоправное поведения нарушителя закона, удерживая его или препровождая в «полицейские» органы, физические лица (граждане), в первую очередь, движимы не заботой об целостности конституционно режима, не охраной каких-то непонятных общеправовых ценностей, а исключительно своими частными интересами, например, защитой себя, своей семьи, своего жилища или имущества от противоправного посягательства. В крайнем случае, они движимы обязанностью выполнения гражданского долга, но также в частноправовых формах. И уж, тем более, удерживая потенциального подозреваемого до передачи правоохранительным органам, граждане не в состоянии предоставить ему необходимые правовые гарантии, например, обеспечить защитника, дать возможность позвонить по телефону близким родственникам и т.д. Большинство жителей РФ или Беларуси вообще не имеют (да и не обязаны иметь!) какого-либо даже самого отдаленного представления о всех тонкостях процедуры ограничения конституционного права на свободу и личную неприкосновенность.

Поэтому, «гражданское» задержание ни в коей мере не может являться предметом установленной государством публично-правовой гарантии. И, следовательно, 48-часовой и 72-часовой сроки внесудебного ограничения свободы личности в этом случае надлежит исчислять не с момента «гражданского» захвата, а с момента передачи этой самой личности удерживающими ее людьми в ведение правоохранительных органов.

Список цитированных источников

1. Исаева, Н. П. Актуальные вопросы участия общественности в уголовном судопроизводстве: автореферат дис. ... к.ю.н. / Н. П. Исаева. – Челябинск: ЮУрГУ, 2009. – 227 с.
2. Сумин, А. А. Задержание по подозрению в совершении преступления: некоторые правовые вопросы / А. А. Сумин // Вестник экономической безопасности. – 2016. – № 5. – С. 43-46.

ПРЕДЕЛЫ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ПО ПОРУЧЕНИЮ КОМПЕТЕНТНОГО ОРГАНА ИНОСТРАННОГО ГОСУДАРСТВА

Самарин В.И.

Каждое государство стремится обеспечить присутствие субъекта преступного деяния в своей территориальной юрисдикции. Если такое лицо находится вне территории заинтересованного государства, то оно может быть возвращено путем выдачи при достижении компетентными органами государств соответствующей договоренности. В ряде случаев в выдаче лица может быть отказано. Однако с древних времен считается, что в такой ситуации не может проявляться потакание безнаказанности лица, совершившего преступление, а должна начинаться действовать вторая альтернатива сформулированного еще в римском праве принципа *aut dedere aut judicare*.

Аналогично, лица, обладающие в стране совершения преступления иммунитетом от уголовного преследования, должны быть преданы правосудию в государстве своего гражданства. Так, в соответствии со ст.ст. 31, 37 Венской конвенции о дипломатических сношениях иммунитетом от уголовной юрисдикции государства пребывания пользуются дипломатический агент и некоторые иные лица, а в соответствии с ч. 1 ст. 43 Венской конвенции о консульских сношениях *«консульские должностные лица и консульские служащие не подлежат юрисдикции судебных или административных органов государства пребывания в отношении действий, совершаемых ими при выполнении консульских функций»*. Международными договорами либо законодательством Республики Беларусь предоставлен также иммунитет от юрисдикции представителям некоторых международных организаций (например, Указ Президента Республики Беларусь № 221 от 30.04.2009 «Об условиях деятельности на территории Республики Беларусь постоянных полномочных представителей государств – участников Содружества Независимых Государств при уставных и других органах Содружества Независимых Государств», ст. 14, 15 Соглашения между Республикой Беларусь и Евразийским экономическим союзом об условиях пребывания Суда Евразийского экономического союза на территории Республики Беларусь) и военнослужащим иностранных армий (ст. 5 Соглашения между Республикой Беларусь и Российской Федерацией по вопросам юрисдикции и взаимной правовой помощи по делам, связанным с временным пребыванием воинских формирований Российской Федерации из состава Стратегических сил на территории Республики Беларусь). Но исключение из юрисдикции государства